

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1405-1413
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1405

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Barrier” Factors in the Framework of the Struggle of the Moscow Authorities with the Revolutionary Movement in 1905

Pavel S. Seleznev ^{a, *}, Olga V. Perfilieva ^b, Konstantin V. Simonov ^a, Stanislav P. Mitrakhovich ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^b National University of Science and Technology MISiS, Moscow, Russian Federation

Abstract

The study reveals the question of the factors that prevented effective opposition to the revolutionary movement in Moscow in 1905 before the start of the armed uprising. The methodological set of tools used in the survey includes structural, diachronic and synchronous analysis. The source base of the work was formed by attracting unpublished archival documents from the funds of the Department for the Protection of Public Security and Order in Moscow under the Moscow mayor and the Police Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire, as well as a wide range of sources of personal origin. The results of the conducted research allow us to conclude that the Moscow authorities failed to fully realize the potential of the methods of combating the revolution available to them due to the presence of a number of circumstances, both objective and subjective. The police apparatus of Moscow and the military units stationed in the city and its environs were too few in number to solve the tasks assigned to them. Effective communication was not established between law enforcement and other law enforcement agencies, as a result of which their actions were poorly coordinated and often had an uncoordinated character. The Moscow leadership, represented by the governor-general and the mayor, was disoriented by the lack of clear and unambiguous instructions regarding the implementation of domestic policy after the publication of the manifesto on October 17. As a result, officials tried to delegate responsibility whenever possible and refrained from decisive action, showing high passivity. The importance of the exchange of information between departments and within them was leveled by the low speed of processing even the most important messages: the latter often reached the addressee with a colossal delay. Attempts to interact with loyalists also did not bring the expected result. The authorities cooperated with public organizations that did not have real support among the broad masses, and at the same time they did not take measures to prevent representatives of criminals and marginalized elements from being involved in the street activity of the monarchists. The consequence of this was an increase in the number of episodes of violence, which stimulated both the radicalization of the revolutionary movement and an increase in public fears about the outbreak of pogroms and riots. At the same time, some of the leaders of monarchist structures often poorly coordinated their actions with the Moscow authorities, and grassroots activists even spread various destructive rumors. A natural consequence of a combination of various factors that reduced the effectiveness of opposition to the revolutionary movement on the part of the authorities was the escalation of revolutionary violence, which resulted in the events of the armed uprising in December 1905.

Keywords: revolution, 1905, opposition, Moscow, police, gendarmerie, rallies, riots, pogroms.

1. Введение

Политика российских властей в отношении борьбы с революционным движением в 1905 г. неоднократно становилась предметом исследований. Однако система научных представлений о

* Corresponding author

E-mail addresses: PSeleznev@fa.ru (P.S. Seleznev), oyperfilieva@gmail.com (O.V. Perfilieva), KVSimonov@fa.ru (K.V. Simonov), SPMitrakhovich@fa.ru (S.P. Mitrakhovich)

соответствующих событиях по-прежнему остается во многом лакунарной. Ее также характеризует наличие явных следов влияния общественно-политической конъюнктуры. В советский период действия силовых и административных структур империи демонизировались. Их отображали в строгом соответствии с оценками, изложенными в трудах лидеров большевистской партии. В последующем созданные советскими исследователями концепции подверглись ревизии. Однако далеко не всегда их переоценка основывалась на принципах объективности. Если ранее отображение событий 1905 г. осуществлялось в соответствии с точкой зрения современников-большевиков, то теперь исследователи начали выстраивать объяснительные модели на основе мнений противников революции. Положение усугубляет то, что зачастую очевидцы революции, ставшие объектом симпатии для современных историков, сохранили в источниках противоречащие друг другу трактовки событий 1905 г. Последнее во многом объяснялось обстоятельствами происхождения источников, включая взаимоотношения их авторов между собой, места и времени создания нарратива и т.д. Аналогичные недостатки можно выявить также внутри корпуса делопроизводственных документов: чиновники, относящиеся к категории «лиц, принимающих» решения, активно пытались переложить ответственность на коллег.

Естественным следствием этого стало появление запроса на ревизию истории противодействия властей революционному движению. И в первую очередь это касается вопроса о противостоянии власти и революционеров в главном центре революционного движения 1905–1907 гг. – Москве.

Целью нашего исследования выступает выявление факторов, препятствовавших усилиям московских властей по борьбе с революционным движением в 1905 г. до начала вооруженного восстания, т.е. перехода активности противников существующего режима в стадию, на которой ее пресечение было возможно лишь сугубо силовыми методами с привлечением внешних ресурсов.

2. Материалы и методы

Источниковая база этой статьи включает в себя не опубликованные ранее архивные документы. К ним относятся материалы из фондов Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве при московском градоначальнике и Департамента полиции Министерства внутренних дел (хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации). Также активно использовались источники личного происхождения (мемуары Ц. Бобровской, Н.Е. Буренина, С.Д. Урусова и др.) (Бобровская, 1924; Буренин, 1961; Урусов, 2009).

Методологический фундамент исследования выстраивался на основе сочетания структурного, синхронного и диахронного анализа: структурный – позволил выделить и классифицировать методики противодействия революционному движению, синхронный – дал возможность сравнить действия властей внутри одного хронологического отрезка, диахронный – сопоставить политико-правовые практики разных периодов.

3. Обсуждение

Данную работу подготовил коллектив авторов из Финансового университета при Правительстве РФ.

В дореволюционной историографии интересующая нас тема изучалась в ключе исследования отдельных аспектов, таких, как прямое противодействие властей революционному насилию, в частности – борьба с террором. При этом в распоряжении исследователей имелась достаточно узкая источниковая база, внутри которой доминировали нарративные источники (Берман, 1913; Гредескул, 1912).

В советской историографии соответствующая проблематика получила всестороннее освещение, в том числе – за счет использования отложившихся в архивах документов. Однако историки были вынуждены следовать тезисам официальной идеологии (Гуляев, 1935; Ерошкин, 1952; Кальманович, 1928; Мицкевич, 1940; Панкратов, Поляков, 1965; Панкратова, 1951; Ростов, 1926; Сторожев, 1920; Таратута, 1925; Чебарин, 1953; Черномордик, 1926).

Современную историографию темы характеризует наличие двух противоположных трендов: с одной стороны, предпринимаются попытки ее пересмотра на основе принципа объективности, с другой – оформляется апологетический тренд к освещению событий в комплементарном для властей империи русле (Алмазов, 2020; Ананьич, Ганелин, 2000; Брачев, 2002; Будницкий, 1994; Варфоломеев, 2008; Галкин, 1996; Гурьев, 2014; Овченко, 2012; Перегудова, 2000).

4. Результаты

В рамках борьбы с революционным движением в столице в распоряжении властей к моменту начала политического кризиса имелся достаточно обширный комплекс мер. К моменту начала революции в нормативно-правовых актах империи уже были закреплены и достаточно детализированы разнообразные процедуры административно-полицейского, военно-полицейского и чисто военного характера. К первым относилась возможность издавать разнообразные распоряжения, регулирующие общественно-политическую активность, и добиваться их выполнения за счет ресурсов органов государственной власти. К мерам второй категории относилось использование смешанных групп силовиков (полицейских нарядов с приданными им войсками) для обеспечения общественного порядка. Меры чисто военного характера сводились к открытому использованию войск для

подавления революционного движения. Однако необходимо подчеркнуть, что мероприятия органов власти в рамках подавления революционного движения не ограничивались использованием чисто силовых методов. В частности, были предприняты попытки консолидации подданных-лоялистов и привлечения общественных организаций с целью укрепления социальной базы действующей власти, модерации общественного мнения посредством воздействия на средства массовой информации и т.д. (Алмазов, 2020: 53).

«Положения о мерах к укреплению государственного порядка и общественного спокойствия», принятые в 1881 г., наделяли власти правом издавать разнообразные нормативно-правовые акты репрессивного характера, а также заключать неблагонадежных лиц под стражу, штрафовать их или вовсе удалять за пределы территории Москвы. Первоначально (в феврале – сентябре 1905 г.) столичное руководство активно и достаточно эффективно использовало соответствующие возможности – у силовиков имелся достаточно богатый опыт их применения (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 784. Т. I. Л. 84-87). Однако после издания манифеста 17 октября Министерство внутренних дел издало ряд распоряжений, существенно ограничивающих применение положений 1881 г. Возникла ситуация, в рамках которой московские власти были совершенно дезориентированы. С одной стороны, новые инструкции затрудняли проведение высылки, установление гласного полицейского надзора и применение иных традиционных мер, с другой – предписывали поддерживать режим усиленной охраны в Москве. В итоге вплоть до начала всероссийской почтово-телеграфной стачки в ноябре 1905 г. московские силовики действовали в отношении революционеров крайне нерешительно (Перегудова, 2000: 53; Герасимов, 2004: 42).

В результате высшая бюрократия старой столицы оказалась в сложном положении: любые действия репрессивного характера, равно как и последовательное соблюдение новых прав подданных, были чреваты нарушением противоречивых указаний высшего руководства. Как следствие, чиновники зачастую предпочитали бездействовать либо прилагали все усилия, чтобы делегировать свою ответственность коллегам. В данном плане показательным является то, что в течение первых 10 дней после публикации манифеста 17 октября генерал-губернатор Москвы воздерживался от издания обязательных постановлений. Только 29 октября московские власти начали ощутимым образом реагировать на рост революционной активности (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 9. Л. 39-41; Урусов, 2009: 78-79).

В рамках мер административно-полицейского характера они в первую очередь попытались усилить контроль за:

- прибытием и выездом новых жителей Москвы (через отчетность владельцев гостиниц, «заезжих домов», подворий и меблированных комнат, а также квартирантов перед полицией);
- проведением публичных собраний и забастовок. Последнее предполагало, в том числе, борьбу с принуждением к прекращению работы или препятствование ее продолжению;
- оборотом оружия и взрывчатых веществ. Продажа оружия допускалась только при наличии именного разрешительного свидетельства от градоначальника, а его хранение и ношение – особого свидетельства главы московской полиции (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 33-35).

Однако на практике власти крайне редко привлекали жителей Москвы к ответственности за соответствующие преступления. Так, за период с середины октября по середину ноября 1905 г. за нарушение норм распространения оружия и взрывчатых веществ задержали всего 26 человек, а за нарушение правил сообщения полиции о смене места жительства – 280. С 12 ноября по 12 декабря полицейские смогли схватить лишь двух участников «незаконных сборищ» и 48 рабочих, заподозренных в причастности к забастовкам (Вознесенский, 1928: 79; ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 156-157). При этом стоит отметить, что размер наказания за одни и те же правонарушения зачастую определялся бессистемно и произвольно, без учета предшествующей правоприменительной практики. В отдельных случаях тяжесть наказания явно не соответствовала тяжести проступка. Так, у служащего Николаевской железной дороги Е.Т. Хохлова (члена партии эсеров) были обнаружены 4 винтовки, 27 револьверов и почти 2 тыс. патронов, однако он получил в качестве наказания лишь штраф в размере 500 рублей (Алмазов, 2020: 55; Дейч, 1926: 43; Козлинина, 1913: 478; Островитянинов, 1967: 37).

В целом способность московской полиции эффективно выполнять предписания генерал-губернатора и градоначальника в отношении борьбы с революционным движением можно поставить под сомнение в силу одной лишь ее относительной немногочисленности: на момент начала революции в распоряжении московских властей имелось, по разным оценкам, от 2 до 2,3 тыс., то есть на 1 тыс. москвичей приходилось в среднем 2–3 сотрудника полиции. При этом в ее составе отсутствовали отдельные подразделения, специально обученные для борьбы с массовыми беспорядками и в целом противодействия революционерам. Полицейские также были перегружены разнообразными дополнительными задачами (в частности, на них возлагался контроль за соблюдением административных, санитарных и

противопожарных норм, выполнением установленных правил торговли, а также архитектурных стандартов). Уровень оплаты труда полицейского оставался сравнительно небольшим (около 50–60 рублей в месяц). Специфика формы зачастую подрывала общественный статус полицейских. Так, околоточный надзиратель (позиция, соответствующая положению губернского

секретаря) был вынужден носить погоны бомбардира-наводчика и потому отдавал честь лицам, формально занимавшим более низкую позицию в «Табели о рангах». В совокупности с низкими возможностями для карьерного роста это провоцировало высокую текучесть кадров среди полицейских, еще больше понижая их потенциал с точки зрения противодействия революционерам (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 185; Гурьев, 2014: 87-89; Ерошкин, 1952: 670; Мартынов, 2004: 94).

Ситуацию усугубляла неудовлетворительная работа управленческого аппарата. Так, 17 ноября в Москву поступили сведения от киевского, подольского и волынского генерал-губернатора В.А. Сухомлинова относительно отправки в город партии из 16 ящиков приобретенного контрабандным путем в Германии оружия. Однако это срочное извещение было рассмотрено адресатом только 9 декабря. 12 октября в Москву из Петербурга было направлено извещение о планах революционеров в период 14–23 октября провести серию съездов таких организаций, как Всероссийский крестьянский союз, Союз союзов, Союз учителей и Союз инженеров и техников. В случае, если они попытаются провести мероприятия без уведомления и разрешения властей, московскому градоначальнику предписывалось разогнать собравшихся. Однако с соответствующим приказом в Москве ознакомились лишь 28 октября (Алмазов, 2020: 56).

Использование военно-полицейских методов также не приносило желаемого результата по причине недостаточности ресурсов и организационных проблем. С одной стороны, московские власти в принципе могли рассчитывать на поддержку лишь небольшого числа силовиков. В городе размещалось, по разным оценкам, от 1 200 до 4 000 жандармов и до 9 000 военнослужащих (солдат и офицеров пехотных полков московского гарнизона, драгун, казаков, гренадеров и артиллеристов). При этом жандармы, несмотря на наличие тесных связей с охранным отделением, почти не взаимодействовали с полицией (Алмазов, 2020: 56-57; Новицкий, 1991: 68; Овченко, 2012: 49).

Коммуникация сил правопорядка с армейскими частями также была организована не лучшим образом. Гражданская администрация была обязана согласовывать вызов и использование войск с руководством Московского военного округа. Равным образом ни генерал-губернатор, ни градоначальник не имели права напрямую распоряжаться войсками. Они могли лишь давать соответствующие указания непосредственным командирам войск. При этом на практике данные указания носили скорее характер рекомендаций. В ходе подавления революционного движения в Москве имели место случаи, когда даже штаб-офицеры открыто игнорировали распоряжения градоначальника. При этом на низовом уровне также была широко распространена практика «переподтверждения» распоряжений обер-офицерами, если приказ передавался им через сотрудников полиции (ГАРФ. Ф. 102. 2-е д-во. Оп. 62. Д. 41. Ч. 2. Л. 7; ГАРФ. Ф. 102. ДП. 4-е д-во. 1905. Оп. 316. Д. 2586. Л. 19).

Положение ухудшалось то, что соединения московского гарнизона осенью 1905 г. проходили через процесс демобилизации. Как следствие, зачастую командование размещенных в Москве полков отказывало гражданским властям в выделении войск для особых нарядов по причине острой нехватки личного состава. Так, в ноябре в Ростовском полку свободные резервы насчитывали всего 15 человек, так как ранее в Москву были направлены 2 роты и 3 полуроты, т.е. практически весь личный состав соединения на тот момент (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 782. Л. 12).

Следует подчеркнуть, что отказы в предоставлении воинских команд также обуславливались низким уровнем организации их обеспечения и транспортировки. Военнослужащих могли доставить на место задолго до начала ожидающихся беспорядков (или же приказ о назначении приходил с большим опозданием), а само время пребывания в наряде, как и очередность привлечения к ним подразделений, ничем не регламентировались. В результате солдат мог находиться в наряде в течение нескольких суток бессменно. При этом военнослужащих могли размещать на ночлег в сараях или товарных вагонах. Организация питания также являлась предметом постоянной критики в адрес полиции. Представителям МВД выделялись средства на содержание военнослужащих, однако на практике солдаты и офицеры зачастую были вынуждены приобретать еду за свой счет (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 43).

С учетом положения войск и полиции открытое применение военной силы без получения значительных подкреплений извне фактически было невозможным, что достаточно хорошо осознавалось революционерами и во многом подтолкнуло их к организации вооруженного восстания в декабре 1905 г. (Бобровская, 1924: 75; Головков, 2005: 59-60; Звездов, 1925: 15).

Политика властей Москвы в отношении консолидации подданных-лоялистов и управления общественным мнением также может быть охарактеризована как малоэффективная. Летом 1905 г. генерал-губернатор предпринял попытку реанимировать работу структур добровольной охраны – общественного объединения, сформированного для «охраны императора» на время его пребывания в старой столице из членов объединений хоругвеносцев. В итоге добровольная охрана достаточно быстро начала проявлять признаки политической субъектности (хотя ее работу и курировало охранное отделение). Ее руководство выдвинуло идею отправки депутации к императору. Монарх принял ее 10 октября и остался вполне доволен этой встречей. Однако вскоре выяснилось, что лидеры добровольной охраны откровенно дезинформировали императора. Ими было заявлено, что они могут мобилизовать до 100 тыс. членов. Однако в реальности их структура не смогла вывести на улицы и

малой части от этого количества в период октябрьских стачек (Засулич, 1931: 112; ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 15. Л. 30-31).

Московские власти также поддержали инициативу «Союза русских людей» о создании приходских комитетов монархистов на основе церковных общин. Но в итоге эту инициативу так и не смогли реализовать по причине отсутствия достаточного количества активистов (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 15. Л. 49).

После этого генерал-губернатор и градоначальник переориентировали своих подчиненных на поддержку уличной активности лоялистов, однако те вскоре начали выступать с откровенно опасными требованиями. Так, 19 октября монархисты провели на Бахметьевской улице шествие с требованием закрытия фабрик и ремесленных заведений, рабочие которых были заподозрены в антиправительственных настроениях. Одновременно на низовом уровне среди жителей Москвы начали распространяться слухи о возможном начале еврейского погрома (о чем жителям по собственной инициативе зачастую сообщали нижние чины полиции) и системных чистках в рабочих районах. Последнее, наряду с частыми вооруженными стычками между правыми и левыми экстремистами, породило панику среди общественности. Массовый поток обращений в адрес С.Ю. Витте и Д.Ф. Трепова вынудил центральные власти жестко надавить на московское руководство. Однако генерал-губернатор и градоначальник не сумели оперативно предпринять необходимые меры, в результате чего к 22 октября число манифестаций радикальных монархистов достигло своего пика (как, впрочем, и количество вооруженных столкновений между сторонниками и противниками революции). Причиной частых конфликтов на улицах Москвы стали грубые требования групп представителей «патриотической общественности» публично продемонстрировать свою лояльность к монархии, сама форма которых провоцировала жителей Москвы на активное сопротивление (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 839. Л. 22).

Многочисленность демонстраций монархистов в данный период объяснялась во многом тем, что слухи о возможных погромах мотивировали присоединиться к манифестациям представителей криминала и московских маргиналов, присутствие которых дезориентировало и демотивировало реальных сторонников императора. К организации шествий также активно привлекались «профессиональные манифестанты», за плату принимавшие участие в мероприятиях и левых, и либералов. Уже 23 октября полиция получила прямые распоряжения о пресечении «патриотических шествий», что в том числе привело к попыткам нападения на правоохранителей со стороны их участников (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 61; Караев, 1953: 93).

В последующем первую крупную уличную акцию монархисты смогли провести лишь в середине ноября, однако она привела лишь к новым проблемам для московского руководства. Николай II лично усомнился в достоверности данных о численности участников манифестации и приказал проверить их достоверность. В результате был вскрыт факт широкого привлечения организаторами «профессиональных манифестантов». При этом с конца октября в Москве начали распространяться анонимные воззвания, адресованные православным и старообрядцам, содержавшие призыв собираться в Кремле и отправляться в поход, чтобы «освободить царя». Это вызвало новые приступы паники среди общественности. Собрания граждан разного уровня (в том числе профессиональных объединений и групп, объединяющих родителей учащихся гимназий и реальных училищ) начали направлять властям коллективные постановления с просьбой защитить их от возможных беспорядков (Головков, 2005: 85-87).

Все это в итоге способствовало саботажу планов московских властей по использованию ресурсов монархических объединений (в том числе в рамках создания «городской полиции» из «русских людей»).

5. Заключение

В 1905 г. властям Москвы был доступен относительно широкий арсенал методов борьбы с революционным движением. Однако они не смогли реализовать их потенциал в силу наличия ряда обстоятельств объективного и субъективного характера. Полицейский аппарат Москвы и размещенные в городе и его окрестностях военные части были слишком немногочисленны, чтобы решать поставленные перед ними задачи. Между правоохранительными и иными силовыми ведомствами не была выстроена эффективная коммуникация, в результате чего их действия плохо координировались и зачастую носили несогласованный характер. Московское руководство в лице генерал-губернатора и градоначальника было дезориентировано отсутствием четких и однозначных указаний относительно реализации внутренней политики после издания манифеста 17 октября. В результате чиновники старались при возможности делегировать ответственность и воздерживались от решительных действий, проявляя высокую пассивность. Значение обмена информацией между ведомствами и внутри них нивелировала низкая скорость обработки даже важнейших сообщений, которые зачастую достигали адресата с колоссальным опозданием. Попытки взаимодействия с лоялистами также не принесли ожидаемого результата. Власти сотрудничали с общественными организациями, не имевшими реальной поддержки в широких массах, и в то же время ими не были предприняты меры по предотвращению вовлечения в уличную активность монархистов

представителей криминала и маргинализированных элементов. Следствием этого стал рост числа эпизодов насилия, что стимулировало как радикализацию революционного движения, так и увеличение опасений общественности относительно начала погромов и беспорядков. При этом часть лидеров монархических структур зачастую слабо координировала свои действия с властями Москвы, а низовые активисты и вовсе распространяли разнообразные деструктивные слухи. Естественным следствием сочетания разнообразных факторов, снижавших эффективность противодействия революционному движению со стороны властей, стала эскалация революционного насилия, вылившаяся в события вооруженного восстания в декабре 1905 г.

Литература

- Алмазов, 2020 – Алмазов М.Г. Ф.В. Дубасов и подавление Декабрьского восстания в Москве // *Российская история*. 2020. № 1. С. 51-74.
- Ананьич, Ганелин, 2000 – Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000.
- Берман, 1913 – Берман Я. Влияние социально-правового и экономического фактора на государственную преступность // *Право*. 1913. № 33. С. 1912-1914.
- Бобровская, 1924 – Бобровская Ц. Записки рядового подпольщика (1894–1914). М., 1924.
- Брачев, 2002 – Брачев В.С. Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб., 2002.
- Будницкий, 1994 – Будницкий О.В. «Кровь по совести»: терроризм в России. Вторая половина XIX – начало XX вв. // *Отечественная история*. 1994. № 6. С. 203-209.
- Буренин, 1961 – Буренин Н.Е. Памятные годы. Воспоминания. Л., 1961.
- Варфоломеев, 2008 – Варфоломеев Ю.В. «Русский способ»: Феномен революционного терроризма в России начала XX в. // *Российский исторический журнал*. 2008. № 2. С. 3-51.
- Вознесенский, 1928 – Вознесенский А.Н. Тени прошлого: (По царским судам). Из воспоминаний политического защитника. М., 1928.
- Галкин, 1996 – Галкин В.В. Царская тайная полиция в борьбе с революционным движением в России (1880–1910 гг.). М., 1996.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Герасимов, 2004 – Герасимов А.В. На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 141-345.
- Головков, 2005 – Головков Г.З. Бунт по-русски: палачи и жертвы: Рандеву с революцией 1905–1907 гг. М., 2005.
- Гредескул, 1912 – Гредескул Н.А. Террор и охранка. СПб., 1912.
- Гуляев, 1935 – Гуляев А.И. Боевые дружины большевиков. Работа боевой организации большевиков Нарвской заставы г. Петербурга в 1905–1907 гг. Л., 1935.
- Гурьев, 2014 – Гурьев В.И. Московская полиция 1881–1917 гг. СПб., 2014.
- Дейч, 1926 – Дейч Л.Г. Провокаторы и террор. По личным воспоминаниям. Тула, 1926.
- Ерошкин, 1952 – Ерошкин Н.П. Административно-полицейский аппарат // *История Москвы*. Т. 5. Период империализма и буржуазно-демократических революций. М., 1952. С. 663-675.
- Засулич, 1931 – Засулич В.Н. Воспоминания. М., 1931.
- Звездов, 1925 – Звездов А.А. Рядовой подпольщик в революции 1905 г. М., 1925.
- Кальманович, 1928 – Кальманович С.Е. Царская расправа. М., 1928.
- Караев, 1953 – Караваев П.Н. В дооктябрьские годы. На партийной работе, в тюрьме и ссылке. М., 1953.
- Козлинина, 1913 – Козлинин Е.И. За полвека. 1862–1912 гг. (Пятьдесят лет в стенах суда). Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913.
- Мартынов, 2004 – Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов: Воспоминания // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 28-410.
- Мицкевич, 1940 – Мицкевич С.И. Революционная Москва. М., 1940.
- Новицкий, 1991 – Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991.
- Овченко, 2012 – Овченко Ю.Ф. Безопасность империи: политический розыск – средство обеспечения безопасности Российского самодержавия (1880–1917 гг.). М., 2012.
- Островитянинов, 1967 – Островитянов К.В. Думы о прошлом (из истории первой российской революции, большевистского подполья и октябрьских боев против контрреволюции в Москве). М., 1967.
- Панкратов, Поляков, 1965 – Панкратов Н.Р., Поляков И.М. Военно-боевая работа большевиков 1903–1917 гг. М., 1965.
- Панкратова, 1951 – Панкратова А.М. Первая русская революция. 2-е изд. М., 1951.
- Перегудова, 2000 – Перегудова З.И. Политический сыск в России (1881–1917). М., 2000.
- Ростов, 1926 – Ростов Н.М. Южное Военно-техническое бюро при ЦК РСДРП // *Каторга и ссылка*. 1926. № 1. С. 93-108.

- Сторожев, 1920** – *Сторожев В.Н.* Декабрьское вооруженное восстание (По архивным материалам) // Декабрьское восстание в Москве 1905 г. М., 1920. С. 109-114.
- Таратута, 1925** – *Таратута В.К.* 1905 год и Московское восстание. М., 1925.
- Урусов, 2009** – *Урусов С.Д.* Записки. Три года государственной службы. М., 2009.
- Хлобустов, 2000** – *Хлобустов О.М.* Большевики и терроризм в России. Большевики и политический терроризм в России // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С. 28-35.
- Чебарин, 1953** – *Чебарин А.С.* Москва в революции 1905–1907 гг. М., 1953.
- Черномордик, 1926** – *Черномордик С.И.* Московское вооруженное восстание в декабре 1905 года. М.-Л., 1926.

References

- Almazov, 2020** – *Almazov, M.G.* (2020) F.V. Dubasov i podavlenie Dekabr'skogo vosstaniya v Moskve [Dubasov and the suppression of the December uprising in Moscow]. *Rossiiskaya istoriya*. 1: 51-74. [in Russian]
- Anan'ich, Ganelin, 2000** – *Anan'ich, B.V., Ganelin, R.Sh.* (2000). Sergei Yul'evich Vitte i ego vremya [Sergei Yulievich Witte and his time]. SPb. [in Russian]
- Berman, 1913** – *Berman, Ya.* (1913). Vliyanie sotsial'no-pravovogo i ekonomicheskogo faktora na gosudarstvennyuyu prestupnost' [Influence of the socio-legal and economic factor on state crime]. *Pravo*. 33: 1912-1914. [in Russian]
- Bobrovskaya, 1924** – *Bobrovskaya, Ts.* (1924). Zapiski ryadovogo podpol'shchika (1894–1914) [Notes of an ordinary underground worker (1894–1914)]. M. [in Russian]
- Brachev, 2002** – *Brachev, V.S.* (2002). Mastera politicheskogo syska dorevolyutsionnoi Rossii [Masters of political investigation of pre-revolutionary Russia]. SPb. [in Russian]
- Budnitskii, 1994** – *Budnitskii, O.V.* (1994). «Krov' posovesti»: terrorizm v Rossii. Vtorayapolovina XIX – nachalo XX vv. ["Blood for Conscience": Terrorism in Russia. Second half of the 19th – early 20th centuries]. *Otechestvennayaistoriya*. 6: 203-209. [in Russian]
- Burenin, 1961** – *Burenin, N.E.* (1961). Pamyatnyegody. Vospominaniya [Memorable Years.Memories]. L. [in Russian]
- Chebarin, 1953** – *Chebarin, A.S.* (1953). Moskva v revolyutsii 1905–1907 gg. [Moscow in the revolution of 1905–1907]. M. [in Russian]
- Chernomordik, 1926** – *Chernomordik, S.I.* (1926). Moskovskoe vooruzhennoe vosstanie v dekabre 1905 goda [Moscow armed uprising in December 1905]. M.; L. [in Russian]
- Deich, 1926** – *Deich, L.G.* (1926). Provokatory i terror. Po lichnym vospominaniyam. Tula. [Provocateurs and terror. From personal memories]. [in Russian]
- Eroshkin, 1952** – *Eroshkin, N.P.* (1952). Administrativno-politseiskii apparat [Administrative and police apparatus]. *Istoriya Moskvy*. V.5. Period imperializma i burzhuazno-demokraticheskikh revolyutsii. M.: 663-675. [in Russian]
- Galkin, 1996** – *Galkin, V.V.* (1996). Tsarskaya tainaya politiya v bor'be s revolyutsionnym dvizheniem v Rossii (1880–1910 gg.) [Tsarist secret police in the fight against the revolutionary movement in Russia (1880–1910)]. M. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation].
- Gerasimov, 2004** – *Gerasimov, A.V.* (2004). Na lezvii s terroristami. «Okhranka»: Vospominaniya rukovoditelei okhrannykh otdelenii [On the edge with terrorists]. T. 2. M.: 141-345. [in Russian]
- Golovkov, 2005** – *Golovkov, G.Z.* (2005). Bunt po-russki: palachi i zherty: Randevu s revolyutsiei 1905–1907 gg. [Revolt in Russian: Executioners and Victims: Rendezvous with the Revolution of 1905–1907]. M. [in Russian]
- Gredeskul, 1912** – *Gredeskul, N.A.* (1912). Terror i okhranka [Terror and secret police]. SPb. [in Russian]
- Gulyaev, 1935** – *Gulyaev, A.I.* (1935). Boevye druzhiny bol'shevikov. Rabota bovoi organizatsii bol'shevikov Narvskoi zastavy g. Peterburga v 1905–1907 gg. [Fighting squads of the Bolsheviks. The work of the fighting organization of the Bolsheviks of the Narva outpost in St. Petersburg in 1905–1907]. L. [in Russian]
- Gur'ev, 2014** – *Gur'ev, V.I.* (2014). Moskovskaya politiya 1881–1917 gg. [Moscow police 1881–1917]. SPb. [in Russian]
- Kal'manovich, 1928** – *Kal'manovich, S.E.* (1928) Tsarskaya rasprava [Tsarist massacre]. M. [in Russian]
- Karavaev, 1953** – *Karavaev, P.N.* (1953). V dooktyabr'skie gody. Na partiinoirabote, v tyur'me i ssylke [Karavaev in the pre-October years]. M. [in Russian]
- Khlobustov, 2000** – *Khlobustov, O.M.* (2000). Bol'sheviki i terrorizm v Rossii. Bol'sheviki i politicheskii terrorizm v Rossii [Bolsheviks and terrorism in Russia. Bolsheviks and political terrorism in Russia]. *Sovremennyi terrorizm: sostoyanie i perspektivy*. M.: 28-35. [in Russian]

- Kozlinina, 1913** – *Kozlinina, E.I.* (1913). Zapolveka. 1862–1912 gg. (Pyat'desyat let v stenakhsuda). Vospominaniya, ocherki i kharakteristiki [For half a century. 1862–1912 (Fifty years in the walls of the court). Memories, Essays and Characteristics]. M. [in Russian]
- Martynov, 2004** – *Martynov, A.P.* (2004). Moyasluzhba v otdel'nomkorpusezhandarmov: Vospominaniya. «Okhranka»: Vospominaniyarukovoditeleiokhrannykhotdelenii [My service in a separate gendarme corps: Memoirs]. T. 1. M.: 28–410. [in Russian]
- Mitskevich, 1940** – *Mitskevich, S.I.* (1940). Revolyutsionnaya Moskva [Revolutionary Moscow]. M. [in Russian]
- Novitskii, 1991** – *Novitskii, V.D.* (1991). Iz vospominanii zhandarma [Novitsky From the memoirs of a gendarme]. M. [in Russian]
- Ostrovityaninov, 1967** – *Ostrovityanov, K.V.* (1967). Dumy o proshlom (iz istorii pervoi rossiiskoi revolyutsii, bol'shevistskogo podpol'ya i oktyabr'skikh boev protiv kontrrevolyutsii v Moskve) [Dumas about the past (from the history of the first Russian revolution, the Bolshevik underground and the October battles against the counter-revolution in Moscow)]. M. [in Russian]
- Ovchenko, 2012** – *Ovchenko, Yu.F.* (2012). Bezopasnost' imperii: politicheskii rozysk-sredstvo obespecheniya bezopasnosti Rossiiskogo samoderzhaviya (1880–1917 gg.) [The security of the empire: political search as a means of ensuring the security of the Russian autocracy (1880–1917)]. M. [in Russian]
- Pankratov, Polyakov, 1965** – *Pankratov, N.R., Polyakov, I.M.* (1967). Voenno-boevaya rabotabol'shevikov 1903–1917 gg. [Military combat work of the Bolsheviks 1903–1917]. M. [in Russian]
- Pankratova, 1951** – *Pankratova, A.M.* (1951). Pervaya russkaya revolyutsiya [The first Russian revolution]. 2-e izd. M. [in Russian]
- Peregudova, 2000** – *Peregudova, Z.I.* (2000) Politicheskii sysk v Rossii (1881–1917) [Political investigation in Russia (1881–1917)]. M. [in Russian]
- Rostov, 1926** – *Rostov, N.M.* (1926). Yuzhnoe Voenno-tekhnicheskoe byuro pri TsK RSDRP [Southern Military-Technical Bureau under the Central Committee of the RSDLP]. *Katorga i ssylka*. 1: 93–108. [in Russian]
- Storozhev, 1920** – *Storozhev, V.N.* (1920) Dekabr'skoe vooruzhennoe vosstanie (Po arkhivnym materialam) [December armed uprising (According to archival materials)]. Dekabr'skoe vosstanie v Moskve 1905 g. M.:109–114. [in Russian]
- Taratuta, 1925** – *Taratuta, V.K.* (1925). 1905 god i Moskovskoe vosstanie [1905 and the Moscow uprising]. M. [in Russian]
- Urusov, 2009** – *Urusov, S.D.* (2009). Zapiski. Tri goda gosudarstvennoi sluzhby [Notes. Three years of public service]. M. [in Russian]
- Varfolomeev, 2008** – *Varfolomeev, Yu.V.* (2008). «Russkiisposob»: Fenomen revolyutsionnogo terrorizma v Rossii nachala XX v. ["Russian Way": The Phenomenon of Revolutionary Terrorism in Russia at the Beginning of the 20th Century]. *Rossiiskii istoricheski izhurnal*. 2: 3–51. [in Russian]
- Voznesenskii, 1928** – *Voznesenskii, A.N.* (1928). Teniproshlogo: (Po tsarskimsudam). Izvospominanii politicheskogo zashchitnika [Shadows of the Past: (According to the royal courts). From the memoirs of a political defender]. M. [in Russian]
- Zasulich, 1931** – *Zasulich, V.N.* (1931) Vospominaniya [Memories]. M. [in Russian]
- Zvezdov, 1925** – *Zvezdov, A.A.* (1925). Ryadovoi podpol'shchik v revolyutsii 1905 g. [An ordinary underground worker in the revolution of 1905]. M. [in Russian]

«Барьерные» факторы в рамках борьбы властей Москвы с революционным движением в 1905 г.

Павел Сергеевич Селезнев ^{a,*}, Ольга Владимировна Перфильева ^b, Константин Васильевич Симонов ^a, Станислав Павлович Митрахович ^a

^a Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация

^b НИТУ Московский институт стали и сплавов, Российская Федерация

Аннотация. В исследовании раскрывается вопрос о факторах, препятствовавших эффективному противодействию революционному движению в Москве в 1905 г. до начала вооруженного восстания. Используемый при проведении изысканий методологический набор инструментов включает в себя структурный, диахронный и синхронный анализ. Источниковая база работы сформирована путем привлечения неопубликованных архивных документов из фондов Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве при московском

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: PSeleznev@fa.ru (П.С. Селезнев), ovperfilieva@gmail.com (О.В. Перфильева), KVSimonov@fa.ru (К.В. Симонов), SPMitrahovich@fa.ru (С.П. Митрахович)

градоначальнике и Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи, а также широкого корпуса источников личного происхождения. Результаты проведенных изысканий позволяют заключить, что власти Москвы не сумели полностью реализовать потенциал доступных им методов борьбы с революцией в силу наличия ряда обстоятельств как объективного, так и субъективного характера. Полицейский аппарат Москвы и размещенные в городе и его окрестностях военные части были слишком немногочисленны, чтобы решать поставленные перед ними задачи. Между правоохранительными и иными силовыми ведомствами не была выстроена эффективная коммуникация, в результате чего их действия плохо координировались и зачастую носили несогласованный характер. Московское руководство в лице генерал-губернатора и градоначальника было дезориентировано отсутствием четких и однозначных указаний относительно реализации внутренней политики после издания манифеста 17 октября. В результате чиновники старались при возможности делегировать ответственность и воздерживались от решительных действий, проявляя высокую пассивность. Значение обмена информацией между ведомствами и внутри них нивелировала низкая скорость обработки даже важнейших сообщений, которые зачастую достигали адресата с колоссальным опозданием. Попытки взаимодействия с лоялистами также не принесли ожидаемого результата. Власти сотрудничали с общественными организациями, не имевшими реальной поддержки в широких массах, и в то же время ими не были предприняты меры по предотвращению вовлечения в уличную активность монархистов представителей криминала и маргинализированных элементов. Следствием этого стал рост числа эпизодов насилия, что стимулировало как радикализацию революционного движения, так и увеличение опасений общественности относительно начала погромов и беспорядков. При этом часть лидеров монархических структур зачастую слабо координировала свои действия с властями Москвы, а низовые активисты и вовсе распространяли разнообразные деструктивные слухи. Естественным следствием сочетания разнообразных факторов, снижавших эффективность противодействия революционному движению со стороны властей, стала эскалация революционного насилия, вылившаяся в события вооруженного восстания в декабре 1905 г.

Ключевые слова: революция, 1905 г., противодействие, Москва, полиция, жандармерия, митинги, беспорядки, погромы.